

ЖИГАЛКИ

Действующие лица

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ЖИВОТИНСКИЙ и его мысли.

Знойное деревенское лето. Над рекой клубится густой туман. Вода, не успевшая остыть за ночь, парит, как в бане. Из калитки небольшого зелёного дома выглядывает мальчик лет семи в огромных резиновых сапогах на босу ногу. Оглядевшись по сторонам, он, довольный, прищуривает глаза и с загадочной улыбкой вытаскивает из рюкзака маленькую коробочку, доверху набитую разноцветными прозрачными пуговицами. Выбрав несколько самых больших пуговиц с огранкой радужных цветов, мальчуган прикладывает их к глазу и с интересом всматривается сначала

в противоположный конец деревни, а затем, запрокинув голову к небу, рассматривает солнце. Белесые лучи скользят сквозь пестрое стекло, где вмиг разбиваются о стеклянные грани на тысячи мельчайших цветных осколков. От слепящей красоты мальчик крепко зажимает глаза, но замысловатые орнаменты плывут в темноте. Странные блики, разноцветные пятна, меняющиеся узоры, за движением которых можно наблюдать бесконечно – все это ему так нравится, что он вновь и вновь, то открывает глаза и смотрит вокруг через радугу стёкол, то зажимает и складывает из пестрой мозаики свой цветастый мир. И это было до того забавно и весело, что маленький человечек заливается звонким раскатистым смехом, который разлетается во все уголки дремавшей деревни.

– Ваня, Ивасик, гоготуша ты моя. Беги домой, завтрак стынет.

– Сейчас, ма. Я еще только разочек.

Ивасик с силой зажимает глаза так, что большие разноцветные спирали крутятся, вертятся, поднимая его куда-то вверх от земли. Вдоволь навеселившись и набаловавшись, Ивасик открывает глаза.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ проснулся на удивление раньше, чем обычно. Ему приснился изумительный сон. Настроение было отличное. Одним прыжком он встаёт с кровати, открывает окно нараспашку и, втянув бодрящий воздух осеннего утра, отправляется завтракать, насвистывая песенку. От души позавтракав и выпив ароматного чая, Иван Сергеевич наскоро одевается, выходит из дома и идёт на работу, не переставая мурлыкать себе под нос. В ответ наперебой трепещут листочками золотистые берёзы. Рябина почтено склоняют свои гроздья цвета коралл. Мягкие солнечные лучи украдкой выглядывают из-за перламутровых туч и боязливо глядят спину Иван

Сергеевич, отбрасывая при этом причудливые тени. Иван Сергеевич заходит в переполненный автобус. Встать было негде, поэтому он зависает на верхней ступеньке, ухватившись за холодный поручень, и радостно вглядывается в невыспавшиеся лица случайных попутчиков.

ЖЕНЩИНА. Чего лыбишься?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Доброе утро.

ЖЕНЩИНА. С чего вдруг?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Не знаю. Мне так показалось.

ЖЕНЩИНА. Вот и не свисти.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Я и не думал врать. Просто мне приснился замечательный сон.

ЖЕНЩИНА. Мой муж – пьяная скотина, а дети двоечники и хулиганы.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Простите. Я не знал.

ЖЕНЩИНА. Вокруг одни хамы и грубияны.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Странно, я как-то не замечал.

ЖЕНЩИНА. Ты себя в зеркале видел?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Смотрелся с утра. А что?

ЖЕНЩИНА. У тебя брюки в носки заправлены. Они еще и разные.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Действительно, забавно получилось.

ЖЕНЩИНА. Это стыдно.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Разве?

ЖЕНЩИНА. Клоун, честное слово. Лыбится он.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Простите.

ЖЕНЩИНА. Утро у него доброе...А сам носки нормально надеть не может, чтоб людей не бесить.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Я, пожалуй, пойду.

ЖЕНЩИНА. Туда тебе и дорога.

Выпав из автобуса, Иван Сергеевич ещё какое-то время стоит неподвижно, собирая тычки безразлично шныряющих прохожих. В его глазах делается какая-то угольная рябь, как у старого телевизора. Он со всей силы зажмуривает глаза, пытаясь настроить яркость восприятия, но, когда открывает их, вновь видит перед собой только жужжащее, жалящее, безжалостное месиво. Поднятые воротники тут и там шаркают, натянутые капюшоны вязко хлопают.

ПЕРВЫЙ ПРОХОЖИЙ. Отойди. Слепой что ли?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Простите. Я не нарочно.

ВТОРОЙ ПРОХОЖИЙ. Глаза разуй.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Я стараюсь.

ВЕЛОСИПЕДИСТ. Дорогу, клоун.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Это вы мне?

ВЕЛОСИПЕДИСТ. Видишь здесь кого-то ещё?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Действительно, у меня сегодня что-то с глазами...

КУРЬЕР. В сторону.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Куда? Направо или налево?

КУРЬЕР. Под землю.

ТРЕТИЙ ПРОХОЖИЙ. Растворись.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Но я так не умею.

Иван Сергеевич окружают дурные мысли, точно осенние жигалки. Самая маленькая, но юркая навязчивая мысль-жигалка забирается в его голову, а потом потихоньку спускается в сердце, и Иван Сергеевич берёт сомнение и недоверие. Он начинает сомневаться в прекрасности своего сна, в доброте сегодняшнего утра, в красоте окружающего мира. Иван Сергеевич сомневается в своих силах, сомневается в себе.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Действительно... чего это я. Говорят же люди: «Утро добрым не бывает». Люди врать не будут...наверное...

Иван Сергеевич принимается изучать мир вокруг заново. Перед ним разбитая автобусная остановка. Все её стенки обклеены объявлениями о лёгких деньгах, тяжёлой работе и увеселительных мероприятиях. Он настолько погружён в себя, что совершенно не замечает, как в его кармане надрывается телефон. Музыка то горланит взхлёб, то прерывается на несколько секунд, чтобы продолжить вновь ещё громче. Иван Сергеевич пытается достать телефон, но находит только старые автобусные билеты, обёртки от конфет и прочий мусор.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Где этот дурацкий телефон?!

Недолго думая, Иван Сергеевич выбрасывает весь найденный хлам на асфальт. Из кучи мусора выглядывает мелкая жигалка и взлетает к Ивану Сергеевичу.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Чёрт бы побрал того, кто мне названивает.

Новая жирная жигалочка спускается откуда-то сверху и кружит над Иваном Сергеевичем.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Сейчас я ему всё выскажу. Мало не покажется. Он пожелает, что решил набрать мне.

Иван Сергеевич находит телефон и в ярости нажимает на кнопку ответа.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Какого лешего так названивать. Рука отсохнет! Алло, алло...

У телефона заканчивается зарядка, экран гаснет и собеседник на другом конце телефона, к счастью, не слышит слов Ивана Сергеевича.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Проклятье!

Плюс одна жигалка. Иван Сергеевич вертит телефон в руках, стучит по нему, пытаясь включить его снова. Пробегающий мимо человек толкает Ивана Сергеевича, и телефон падает в кучу грязных, мокрых листьев.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Чёртов день, чёртов автобус, чёртова бабка и вся жизнь.

Целая стайка зудящих жигалок присоединилась к своим подружкам, летающим вокруг Ивана Сергеевича. Он в бешенстве оглядывается вокруг и замечает, что в лавке на автобусной остановке уцелела только одна деревянная доска, которая держится на ржавом гвозде, так что сидеть на ней невозможно.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Постоят, не развалятся. Здоровее будут.

Иван Сергеевич отрывает последнюю доску и кидает её в мусорку. Тут же в его сторону торопится ещё одна жигалка.

ЧЕТВЁРТЫЙ ПРОХОЖИЙ. Простите, вы случайно не видели, пятнадцатый автобус уже ушёл или нет?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Жди молча.

Новенькая жигалочка с прозрачными крылышками закружилась в такт с остальными. Из мусорной урны возле остановки пахнет чем-то липким и зловонным. Несмотря на это, смущённым шагом, к ней подходит сгорбленный старик. Он ворошит палкой содержимое урны в надежде найти там что-то нужное. Иван Сергеевич испытывает сперва удивление, которое моментально перерастает в отвращение, чего раньше с ним никогда не было.
В банде жигалок очередное пополнение.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Эй, старый, угомонись. Вони и без тебя хватало.

СТАРИК. Это вы мне?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Тебе, тебе. Ты шёл куда-то?

СТАРИК. Да нет, я так, просто, только посмотреть хотел.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Вот и топай.

СТАРИК. Простите.

Горестно повесив голову, старик зашаркал ногами, волоча за собой пакет,

в котором предательски хрустят смятые жестянки. В ту же секунду откуда-то из-под земли появляется грязно-серая жигалка с темными полосками на спине и пятнами на брюшке. Облетев вокруг Ивана Сергеевича, она опускается на его плечо. Победно потирая лапки, жигалка принимается подзуживать в самое ухо Ивана Сергеевича:

ЖИГАЛКА. З-з-з-з-амечательно, з-з-з-з-аслуженно, з-з-з-з-а дело.

На лице Ивана Сергеевича появляется самодовольная ухмылка. Его плечи расправляются, и он горделиво шагает по улице. А за ним, точно свита за королём, летят его крошечные сообщники.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Иван Сергеевич с надменным видом открывает дверь и заходит на работу. Проворные жигалки не отстают и одна за одной залетают вместе с ним. На входе Ивана Сергеевича встречают улыбчивые коллеги. Один из них добродушно хлопает его по плечу, а второй заботливо помогает снять верхнюю одежду и повесить в шкаф.

ПЕРВЫЙ КОЛЛЕГА. Сергеевич, ты чё так долго?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Я обязан отчитываться?

ПЕРВЫЙ КОЛЛЕГА. Так-то мы только тебя ждём.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Забавно. Разве я просил об этом?

ПЕРВЫЙ КОЛЛЕГА. Мы же всегда с утрачка вместе чайком балуемся, новости обсуждаем. Про охоту там, рыбалку и всё такое.

ВТОРОЙ КОЛЛЕГА. Не выспался, поди. Я тоже всю ночь ворочался. Уснуть тяжело.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Худей и будет тебе счастье.

ПЕРВЫЙ КОЛЛЕГА. Не будь букой *(Протягивает телефон.)* Лучше посмотри какой замечательный спиннинг я отхватил.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Вздор. Безделушка для детей.

ВТОРОЙ КОЛЛЕГА. Во-во, я и о том же. Надо было у меня покупать. Я и отдаю совсем даром.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Может потому что он ломанный?

ВТОРОЙ КОЛЛЕГА. Был бы ломанным, я бы не поймал на него леща двухкилограммового.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Так ты и не поймал. Или ты про того вяленного, в упаковке.

ВТОРОЙ КОЛЛЕГА. Да ну тебя. Все настроение испортил.

ПЕРВЫЙ КОЛЛЕГА. Ага. Пришёл и гадостями сыплет, а мы сидим, как дураки, ждём его.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Сидеть не надо. Работать надо.

Расстроенные коллеги расходятся на рабочие места. Довольный Иван Сергеевич идёт в свой кабинет и садится на стул, закинув ногу на ногу. Жигалки по-хозяйски разлетаются кругом, заполняя собой всё пространство.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Идиоты.

В кабинет Ивана Сергеевича входит начальник.

НАЧАЛЬНИК. Иван Сергеевич, отчёт готов?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Не знаю.

НАЧАЛЬНИК. Так узнайте.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Самому слабо?

НАЧАЛЬНИК. Это вы мне?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Так, мысли вслух.

НАЧАЛЬНИК. Тогда поторопитесь. Мне этот отчёт ещё вчера нужен был.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Значит, до завтра терпит.

НАЧАЛЬНИК. Вы меня слышите?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. К сожалению.

НАЧАЛЬНИК. Отчёт готов или нет?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Или нет.

НАЧАЛЬНИК. Да что с вами сегодня?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Ззззз...

НАЧАЛЬНИК. Что вы там жужжите себе под нос?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Ззззз... ззззз...

НАЧАЛЬНИК. Заболел?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Да!

НАЧАЛЬНИК. Тогда идите домой, а то ещё нас тут всех перезаражаете.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. З-з-з-зараза к з-з-з-зараз-з-з-зе не липнет.

Грязно-серая жигалочка празднует победу.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

На улице набегают войлочные тучи, закрапал дождь. Иван Сергеевич недовольно ёжится, бурчит что-то себе под нос и, ускоряя шаг, спешит домой. Новая жигалка не заставила себя ждать. По двору бегают местные мальчишки и девчонки. Они радостно шлёпают по лужам и громко расппевают.

ДЕТИ. Дождик, дождик, лей, лей

На меня и на людей!

На людей – по крошке,

На меня – по ложке.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Что вы несёте? Замолчите немедленно. Куда только смотрят ваши бестолковые родители?

Появилась ещё жигалочка.

ДЕТИ. Дождик, лей, не жалея,
Чтобы было веселей!

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Допрыгаетесь, черти. Завтра же все с температурой сляжете.

И ещё одна.

ДЕТИ. Дождик, дождик, пуще
Дам тебе я гущи.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Глупые детишки. Ну, сейчас я вам покажу «пуще-гуще»! Держитесь. Сами напросились.

Жигалки радуются и носятся вокруг Ивана Сергеевича, подзуживая на перебой:

ЖИГАЛКИ. З-з-з-з-амахнись. З-з-з-з-амахнись. З-з-з-з-амахнись.

Недолго думая, Иван Сергеевич поднимает камень с земли и со всей злости кидает его прямо в толпу ребят, но попадает в машину, припаркованную посередине двора. По лобовому стеклу медленно бегут витиеватые трещины, образуя причудливую паутину. Взыла сирена, вспорхнули голуби, из-под капота машины выпрыгивает кот, спрятавшийся там от дождя. Дети врассыпную бегут кто куда. Жигалки ликующе взвизгивают:

ЖИГАЛКИ. З-з-з-з-амечательная з-з-з-з-аварушка з-з-з-з-араждается. З-з-з-з-агляденье.

Иван Сергеевич ухмыляется, а в его свиту прилетает очередной пособник.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Не двор, а парковка. Машин наставили, камню пролететь негде.

Дождь, словно выполнив задуманное, прекратился. На звук сработавшей сигнализации выбегает переполошившийся хозяин машины.

ХОЗЯИН МАШИНЫ. Да что же это делается? Как так можно?! Разбой среди бела дня. Простите, уважаемый, вы случайно не заметили, что за негодяй это сделал?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Я?

ХОЗЯИН. Да вы?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Я что нанимался следить за вашей машиной?

ХОЗЯИН. Нет, конечно. Просто вы были рядом и могли что-то видеть.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Больно надо. Хотя...

ХОЗЯИН. Да-да...

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Нет, не видел.

ХОЗЯИН. Очень досадно. Что же делать? Что делать?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Погодите, я, кажется, вспомнил...

ХОЗЯИН. Слушаю вас внимательно.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Там был чей-то кот.

ХОЗЯИН. Кот? Кот вряд ли мог такое сделать. Может, был кто-то еще?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Да, вряд ли он мог. А может...

ХОЗЯИН. Вспомнили?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Да. Там ещё голуби...взлетели. Целая стая.

ХОЗЯИН. Да вы что, издеваетесь надо мной что ли? Причем тут голуби? Тут булыжник в стекло, а вы голуби!

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Нет, это вы издеваетесь! Поставили своё ведро посреди двора, а тут, вон, дети гуляют маленькие. Бегают, прыгают, кидают разное.

ХОЗЯИН. Бегают?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Бегают-бегают. И кидают.

ХОЗЯИН. Так может это кто-то из них...того...кинул в машину мою?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Вполне возможно. Я сейчас что-то такое припоминаю.

ХОЗЯИН. Вы опять?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Нет, сейчас я точно вспомнил. Был там один такой высокий рыжий, в конопушках весь. Вот он громче всех бегал и кричал. А потом к-а-а-а-а-к бряк!

ХОЗЯИН. Бряк?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Или дзынь. И все разбежались. Голуби опять же, и кот этот. Как выпрыгнет, как замяукает.

ХОЗЯИН. А где он сейчас?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Не знаю. Домой, наверное, убежал. К хозяйке.

ХОЗЯИН. Да не кот. А рыжий, конопатый который.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. А-а-а-а, конопатый.

ХОЗЯИН. Да, конопатый.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Да кто их знает, конопатых этих. За лопатой пошел. Для дедушки (*смеётся*).

ХОЗЯИН. Вам смешно?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Ага, смешно получилось.

ХОЗЯИН. У человека горе, а ему смешно.

ЖИГАЛКИ (*заговорщицки поют*). З-з-з-з-апутай з-з-з-з-лосчастливого. З-з-з-з-аоставь з-з-з-з-литься.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Ладно, вспомнил я вашего конопатого.

ХОЗЯИН. Правда?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Кривда. Живёт этот бандит вон в том обшарпанном зеленом доме. Квартира двенадцать.

ХОЗЯИН. Двенадцать?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Записывайте. Дважды не повторяю. Первый подъезд. Пятый этаж. Зовут Никита.

ХОЗЯИН. Вы всё так замечательно запомнили?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Я этого рыжего знаю. Он каждый день над головой моей топает, как стадо слонов. Не отдохнуть.

ХОЗЯИН. А-а-а-а. Так значит он отвязный хулиган.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Просто нереальный. Сначала он возмущался, что машина ваша бегать мешает. А потом к-а-а-а-к дзынь.

ХОЗЯИН. Разберёмся. На себе почувствует и бряк, и дзынь, и шлёп, и стук.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Сначала мне гадил, а теперь вот и за вас взялся. Дети. Никого не щадят.

ХОЗЯИН. Уж я ему задам, мало не покажется.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Вы только доведите дело до конца. А то кажется мне, что будет он отнекиваться. Удачной охоты (*смеётся*).

Иван Сергеевич довольный собой направляется к своему дому. Мысли в его голове складываются в презабавненькую песенку:

ЖИГАЛКИ. Жаль, коли

И будешь впереди.

С три короба наври

И станешь пуп земли.

Ивану Сергеевичу приходится наклониться, потому что корона, которую смастерили жигалки на его голове, слегка мешает ему зайти в подъезд.

Заметив это, они немедленно рассыпаются и в ту же секунду ловко складывают ему роскошный воротник Медичи.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

В подъезде хлопчет маленькая сухонькая СТАРУШКА – старшая по подъезду. Её квартира на первом этаже находится прямо напротив входной двери. Из-за этого ей всегда кажется, что каждый человек, заходя в подъезд, сразу же попадает к ней домой, а гостей она привыкла принимать со всем радушием. И для того, чтобы всем входящим с первых же ступеней было тепло и по-домашнему уютно, она немного украсила подъезд, который давно не видел ремонта. Цветы рядком стоят на покорёженных деревянных

подоконниках, картины на стенах закрывают дыры от вывалившейся штукатурки, сквозь свежую голубую краску перил тут и там полосится жутко-коричневая. Но особой гордостью Старушки были вязаные половички, аккуратно разложенные перед каждой дверью. Иван Сергеевич застаёт её за очередным украшательством подъезда. Балансируя на маленькой табуреточке, она развешивает на окнах и перилах голубей, вырезанных из бумаги.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Только дураки моют пол в подъезде, когда на улице дождь. А их работа любит, значит можно и потоптаться.

СТАРУШКА. А-а-а, Иван Сергеевич, добренького вам.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Спасибо, себе оставьте.

СТАРУШКА. Ну, зачем вы так. Доброе слово и кошке приятно.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Я смотрю, вы всё красоту наводите?

СТАРУШКА. Ой, миленький. Взяла меня сегодня грусть-печаль. Не знаю, что вдруг. Хоть ложись, да помирай.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Отчего же не легли?

СТАРУШКА. Думаю, пойду лучше на свежий воздух. Проветрюсь от мыслей этих злых.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. И где же вы свежий нашли? Рядом завод дымит.

СТАРУШКА. А я в другую сторону дышала.

Старушка открыла окно в подъезде и принялась разминать хлеб и разбрасывать крошки, которые падают прямоком на козырёк крыльца.

СТАРУШКА. Вот, хлеба голубям купила. Голодные поди, пускай кушают.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Крыс летающих разводите, а они потом гадят всюду.

СТАРУШКА. Так-то к деньгам. Примета такая. Радоваться надо.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Бабушка надвое сказала: либо дождь, либо снег, либо будет, либо нет. Тоже примета.

СТАРУШКА. Вы только посмотрите какой голубок красивый. Сам белый, а головка пегая. Чего это он в сторонке притих. Может грустно ему?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Ещё скажите, плачет.

СТАРУШКА. Отсюда не разглядеть. Гуля-гуля-гуля (*кидает крошки голубю.*) Батюшки-светы! Вы только гляньте на чудо это!

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Какое чудо?

СТАРУШКА. Голубь-то этот хвост свой распушил, а он кружевной весь. Грудку белесую вперед выставил. И заходил важно туда-сюда, туда-сюда, закурлыкал.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Может это павлин?

СТАРУШКА. Его приласкали – ему хорошо сделалось, да и мне на душе радостно. Вот и помирать расхотелось.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Прямо воскрешение Лазаря. Я пойду, пожалуй.

СТАРУШКА. Так вам нравится, как я тут все украсила?

Из-за спины Ивана Сергеевича поднимается и медленно раздувается туча. Достигнув потолка подъезда, она лопається. Жигалки мечутся по лестничной площадке, противно зудят:

ЖИГАЛКИ. З-з-з-амолчи з-з-з-аноза. З-з-з-аколебала з-з-з-атейница, бззз, бззз, бззз.

Они стараются подлететь как можно ближе к Старушке, чтобы напасть на нее и вонзить свои шершавые хоботки, но она всячески отмахивается от них.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Вы бы еще лебедей из шин сделали. Смешно, честное слово.

СТАРУШКА. Не добрый вы сегодня какой-то. Вон и туча за вами увязалась.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Я правдивый. А правда не может нравиться всем.

СТАРУШКА. По мне так лучше молчать, чем пустое врать.

Иван Сергеевич подходит вплотную к Старушке и наклоняется над ней, словно вековой дум. В этот момент, кажется, что роста он стал огромного, раздался в плечах, а в голосе слышится язвительное жужжание.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. А кто тут врёт? Вз-з-з-згляните, что они сделали с вашими цветами – срез-з-з-зали все листья. А коврики? Вы же их сами вяз-з-з-зали! Они уж-ж-же больше не цветные, они серые от уличной гряз-з-з-зи. А это что? Подарочек от любейз-з-з-знейших соседей? Это мусор, который им лень вынести. Да они же просто из-з-з-здеваются над вами. З-з-з-заливаются смехом и крутят у виска з-з-з-за вашей спиной. Вы им без-з-з-зраз-з-з-зличны. Исчез-з-з-зни...

СТАРУШКА. Тому тяжело, кто зло помнит. Пойду я. Прилягу.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Голубей с собой прихватите. Говорят, они з-з-з-знают дорогу в лучший мир. Проводят. Бззз, бззз, бззз.

Напевая себе под нос и пританцовывая, Иван Сергеевич направляется домой. А за его плечами развивается длинная черная жужжащая мантия.

ЖИГАЛКИ. Бззз, бззз, бззз.

Жаль, коли

И будешь впереди.

С три короба наври

И станешь пуп земли.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Не успел Иван Сергеевич насладиться своими успехами, как в дверь кто-то стучится. Он подходит, смотрит в глазок, но открывать не торопится.

ДРУГ. Ваня, ты тут? Это я, твой друг.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Никого нет дома.

ДРУГ. А голос тогда откуда?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Он в твоей голове.

ДРУГ. Это шутка такая?

Эти слова напомнили Иван Сергеевич о всех обидах, которые он когда-либо испытывал, о неприятных ситуациях, которые он переживал. Иван Сергеевич яростно задышал, а гул жужжалок усилился:

ЖИГАЛКИ. З-з-з-з-лобный з-з-з-з-асранец з-з-з-з-аставил з-з-з-з-аплакать. З-з-з-з-азвездился з-з-з-з-азнайка. З-з-з-з-аболтай. З-з-з-з-апугай. З-з-з-з-агноби. З-з-з-з-аболтай. З-з-з-з-апугай. З-з-з-з-агноби. З-з-з-з-агноби.

Иван Сергеевич открывает дверь. Он раздулся до потолка, за его спиной вовсю бушует шторм. Плотные чёрные полосы зудящих волн раскачиваются из стороны в сторону и с грохотом обрушиваются на стены комнаты.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. А кружка, приклеенная к моему столу? Кнопки на стуле? Мои фотографии, расклеенные по всему офису – это шутки?

ДРУГ. Так это же всё шалости. Смешно получилось.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Кому смешно?

ДРУГ. Все смеялись, кто на работе был.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Смешно говоришь? Ну, заходи, друг, сейчас посмеёмся.

Мрачные свинцово-серые волны, на гребне которых хлопьями высятся отблески прозрачных крыльев, беспрестанно рокочут:

ЖИГАЛКИ. З-з-з-з-агноби, з-з-з-з-агноби, з-з-з-з-агноби.

ДРУГ. Ты что-то неважно выглядишь. И мрачновато тут у тебя. Мне сказали, ты заболел.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Видел бы ты сейчас своё лицо. Если бы у меня было такое, я бы подал в суд на своих родителей!

ДРУГ. Ты меня пугаешь, Ваня.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Я тебе не зеркало, чтобы пугать.

ДРУГ. С работы ушёл, на телефон не отвечаешь. Я решил узнать, что случилось.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Ты продолжай, продолжай. Я всегда зеваю, когда мне интересно.

ДРУГ. Какая муха тебя укусила?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Я бы объяснил тебе, что к чему, но боюсь твой мозг не вместит столько информации.

ДРУГ. Ты вообще узнал меня? Я твой друг. Мы работаем вместе.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Кто ты? Да, знаю. Знаю — ты никто.

ДРУГ. Ну знаешь ли... Это совсем не смешно. А к тебе как к другу пришёл, а ты... Оставайся здесь один, я ухожу.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Таких друзей за нос и в музей. Чеши-чеши отсюда, а то, как загеоргиню, обсеренишься!

Довольнехонький Иван Сергеевич закрывает дверь и падает в кресло-мешок.

День получился насыщенным, он даже немного устал. Его потянуло в сон, глаза стали слипаться. Верные жигалки потихоньку приподнимают кресло, как колыбель, укачивают его на своих волнах и напевают песню:

ЖИГАЛКИ. Заработал, заслужил, засыпай.

Завернём и забаяюкаем бай-бай.

В зыбких заводях злодейств заплутай.

Не зевай, а злостью всех заражай.

Закопай мечты, талант зарывай.

Запугай всех, уважать заставляй.

Забирай своё и нос задирай.

Заблισταешь, как звезда, так и знай.

Баю-баю, засыпай, засыпай.

И про счастье забывай, забывай.

В злых зарослях завоешь, точно зверь,

Но закрылась на заслонку жизни дверь.

Баю-баю, засыпай, засыпай.

И про счастье забывай, забывай.

Баю-баю, засыпай, засыпай.

И про счастье забывай, забывай...

Иван Сергеевич засыпает.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Качели плавно взмывают ввысь, ускоряясь по мере подъёма. Ивасик с замиранием сердца отталкивается от земли. Ветер треплет его волосы, а улыбка расплывается по лицу от предвкушения спуска. Дойдя до самой высокой точки, качели на мгновение застывают в воздухе, а затем стремительно несутся вниз, даря возможность почувствовать себя свободно парящей птицей с большими крыльями. Ивасик крепко держится за цепи и

всё сильнее и сильнее отталкивается, заставляя качели лететь выше и выше. Земля под ногами становится всё дальше, а мир вокруг сливается в пеструю полосу красок и звуков. С каждым новым взлётом и падением Ивасика по воздуху разносятся его смех и крики восторга. Он, расставив руки в сторону и закрыв глаза, представляет себя могучей птицей, улетающей куда-то вдаль, радостно кричит:

ИВАСИК. Я лечу! Я птица!

Мальчишки, играющие рядом в футбол, услышав это, смеются над ним.

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИШКА. Смотрите, смотрите, наш Иван-дурак расселся на качелях, как петух на жердочке и кудахтает!

ВТОРОЙ МАЛЬЧИШКА. Высоко взлетишь, больно упадёшь!

Они окружили качель и стали распевать на разные голоса дразнилки, забавляясь и кривляясь друг перед другом:

МАЛЬЧИШКИ. Иван – болван

С качели упал,
Три года катился,
Пылью подавился.

Ваня, Ваня, Ванюшок,
Почеси свой гребешок.

Самолёт – вертолет!
Посади меня в полёт!
А в полёте пусто –
Выросла капуста.
А в капусте червячок –
Вышел Ваня – кабачок.

Во доре жила Лариса – занимательная крыса.
А сынок её – Иван – замечательный болван.

Лицо Ивасика в одно мгновение вспыхивает яростью. Не останавливая качель, он спрыгивает на землю, поднимает большую палку и несколько камней. Мальчишки с радостными визгами разбегаются врассыпную. Не разбирая дороги, красный от злости, со слезящимися глазами Ивасик бежит вдогонку за их голосами и кидает камни в убегающих обидчиков. На улице тишина. Ребята попрятались кто куда и тихонько выглядывают из своих укрытий, стараясь, не выдав себя, разглядеть, что сейчас делает Ивасик. А

он, набрав полные руки камней, идёт спокойным уверенным шагом вдоль домов, высматривая противных задавак. Осмелев, один из мальчишек кидает камень Ивасику в спину. Вскрикнув от боли, Ваня оборачивается и замечает в окне одного из домов какой-то чёрный силуэт. Зажав в руке самый большой камень, он решает подойти как можно ближе, чтобы узнать кто там. Подойдя к калитке, Ивасик поднимается на цыпочки и старательно всматривается в окна, пытаясь разглядеть своего врага. Но в отражении на него смотрит только маленький мальчик с грязным заплаканным лицом, косматыми волосами и растрепанной одежде. Вдруг Ивасик замечает, что за его спиной стоит какой-то незнакомец – ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Почувствовав, что мальчик увидел его, Чёрный человек наклонил голову, улыбнулся и положил свою тяжелую, холодную руку на плечо Ивасика. Испугавшись от неожиданности, Ваня размахивается и кидает камень... Дзинь, бззз, бззз.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Бззз – бззз. Бззз – бззз. Раздаётся настойчивый сигнал жигалко-будильника. Иван Сергеевич просыпается, ставит ноги на пол. В ту же секунду зудящий холодок тысячи прозрачных крыльев, заполнявший комнату, обдает его лицо злорадным приветствием: бзззззззззз.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Опять это утро? Опять на работу?! Каждый день одно и то же. Это когда-нибудь кончится?

Вездесущие жигалки заботливо укутывают Ивана Сергеевича в тёплый кокон своих тёмных мыслей, и он неспеша идёт в ванную комнату. Мрачный шлейф тянется за ним, не переставая жужжать: бззз, бззз, бззз, бззз.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Не хочу умываться. Вода холодная.

Иван Сергеевич заворачивает на кухню, тянется за спичками, включает плиту и ставит чайник на огонь. В тягостном ожидании кухня заполняется гнетущей звонкой тишиной.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. И завтракать не буду. Готовить лень.

За окном противная морось заволокла туманом весь город. Ничего не разглядеть. Иван Сергеевич уставился в отражение за своей спиной.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Может не идти? Навертай, что ещё болею. Или уволиться, там всё равно одни дураки работают. Задолбали!

За спиной Ивана Сергеевича, не переставая ворчит, огромный рой. Он шипит, зудит, не давая ему задуматься или опомниться. С каждой минутой гул усиливается, а рой пустился закручиваться по кругу, образуя чёрную воронку. Жигалки, подлетая друг к другу, крепко-накрепко сцепляются своими маленькими мохнатыми лапками. Одна на одну, одна на одну, одна на одну. Они становятся единым целым. Молниеносно рой жигалок складывается в Чёрного человека, очень похожего на Ивана Сергеевича.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Застрелись.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Схожу, развеюсь.

Не найдя настроение дома, Иван Сергеевич выходит на улицу без него. Тяжело шаркая ногами, он направляется в сторону автобусной остановки, а за ним, не отставая ни на шаг, идет Чёрный человек.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Посмотри, тут сплошная разруха. Разве здесь можно жить?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Так и знал, что не нужно было идти. Почему я опять проснулся здесь, а кто-то сейчас пьёт какао в Париже? Где справедливость?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Злись и завидуй! Ты сгниёшь здесь.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Ничего не понимаю. По расписанию мой автобус должен приехать пять минут назад. Где его носит?

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Это заговор! Они хотят подставить тебя.

Проезжающая мимо машина обкатила Ивана Сергеевича с головы до ног из лужи.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Тут все против тебя. Теперь ты заболеешь и сгинешь.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Прекрасно. Теперь я ещё и замерзну.

Наконец подъезжает автобус. Чёрный человек заталкивает Ивана Сергеевича в самую середину, где его зажимают со всех сторон.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Залезай. Тут тебе совсем не будут рады.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Автобус двадцать шестой?

КОНДУКТОР. Восемнадцатый. Глаза есть? Номер на стекле.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Двадцать шестой где?

КОНДУКТОР. Я не справочное, расписание всех не знаю. Оплачивай проезд или выходи.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Он просто издевается над тобой. Думает, что он здесь главный.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Рот закрой и сиди молча. Когда захочу, тогда и выйду.

КОНДУКТОР. На линии контроль работает.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Убей его. Зачем он нужен? Он всего лишь кондуктор.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Отвали.

Чёрный человек выталкивает Ивана Сергеевича из автобуса на незнакомой остановке. Кругом разрушенные дома, грязные улицы, сломанные вывески и разбитые урны. В голове Ивана Сергеевича одна за одной сменяются назойливые мысли.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Куда ты пошёл? Ты опять завалишь все проекты. Над тобой будет смеяться весь отдел.

Мрачные тени самых страшных страхов Ивана Сергеевича расползаются в стороны. Они ползут по тротуарам, по стенам домов, раскачиваются на деревьях.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ты никому не нужен. Ты здесь лишний.

Жужжащая тьма заполняет все вокруг.

ЖИГАЛКИ. З-з-з-з-дохни, з-з-з-з-акончи с этим.

Иван Сергеевич забегает в подъезд на самый последний этаж, чтобы скрыться, но куда бы он не бежал, жигалки и Чёрный человек тут как тут.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Тебя нет. Ты никто.

В надежде избавиться от роя в голове, Иван Сергеевич обхватывает её руками и, съжившись от удручающей тяжести давящих мыслей, сползает на пол лестничной клетки. Он вдруг становится таким маленьким и слабым.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Отстаньте, вылезайте из моей головы

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Зачем? Только мы всегда рядом, всегда здесь. Мы – это ты!

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Это не я. Я так не думаю. Я этого не хочу.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Верь мне. Мы с тобой одно целое. Дай руку. Я знаю, где нам будет хорошо.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Нет. Нет, ты обманываешь меня. Я не буду этого делать.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Не бойся. Раз я это ты, а ты это я, то разве я могу причинить боль сам себе? Это же глупо.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Я сейчас перестану думать. И вы все исчезнете.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Не смейся. Я исчезну только с тобой. Разве ты этого хочешь?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Уходите.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Только вместе. Только рядом.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Меня ждут мои родные. Они любят меня.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Тогда зачем ты уехал от них?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Я люблю этот город. Здесь красиво.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Здесь одиноко. Тут каждый сам за себя.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. У меня есть работа и друзья.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Это коллеги. Они разговаривают с тобой только по делу.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Не правда. Ко мне приходил один.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Он дурак и шутки у него тупые. Ты правильно сделал, что прогнал его.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Он простит, я знаю. Он добрый. Я попрошу прощение.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Этот мир придуман не нами. Он чужд нам. Здесь мы не живём, а выживаем. Зачем ты цепляешься за него? Там будет лучше.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Я хочу жить здесь.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ты можешь врать им. Но мне, то есть себе, врать бесполезно.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Я говорю правду. Я умею слушать. Я умею видеть. Я умею ценить. Я умею любить.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Полетели со мной. Один шаг и ты будешь свободен. Ты освободишь всех.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Мне страшно...

Тьма, заполняет пространство, пожирая все вокруг. Чёрный человек подходит все ближе и ближе к Ивану Сергеевичу. Жигалки облепили его.

Они прорезают кожу, впиваются, выпуская ядовитую слюну. От боли и страха Иван Сергеевич теряет сознание. Чёрная холодная пустота. Тишина.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Сквозь закрытые веки Иван Сергеевич чувствует боль от прожигающего света. Он открывает глаза и видит прямо перед собой мальчика, который вертит в руках маленькую металлическую пуговку. В её отполированный до

блеска диск попался еле заметный луч, проскользнувший сквозь приоткрытое окно подъезда. Он забавно скользит, переливаясь и поблескивая. Улыбнувшись мальчугану, луч оттолкнулся от гладкой поверхности пуговки и выскочил на стену шустрим солнечным зайчиком.

Одного такого зайчика малыш направил прямо на Ивана Сергеевича. Озорной лучик солнца замелькал, скользит по ногам, рукам, шее и лицу, а затем прыгает прямо на глаза Ивана Сергеевича. Яркая вспышка света ослепляет его, и он зажмуривается. На тёмном фоне плывут светящиеся объекты, разноцветные круги, молнии, спирали и даже искры. Иван Сергеевич зажмуривает глаза ещё сильнее, чтобы разглядеть то, что скрывается за блеском мерцающих пятен.

Лето. Мальчик лет семи с сачком в руках и в огромных резиновых сапогах на босу ногу крадется по зеленому лугу, усыпанному цветами всех оттенков. Ему очень хочется поймать стрекозу, которая облюбовала большой красный мак. Мальчуган снимает свои луноходы и тихо-тихо, стараясь не задеть ни одной травинки, подбирается к заветному цветочку. Прыжок, взмах сочка и везучая стрекоза летит дальше от юного следопыта, который плашмя шлёпается напрямик в коровью лепёху. Сизые мухи от неожиданности взвились и заметались над виновником, который, к всеобщему удивлению, смеётся так, что даже трудолюбивые пчелы оставляют сбор нектара, чтобы посмотреть – кто же это так заливисто хохочет.

МАЛЬЧУГАН. Ура! Купаться!

Не раздеваясь, прямо в одежде, неудавшийся охотник бежит со всех ног к мостику небольшого пруда. На самом краю он закрывает глаза, зажимает нос и, разрывая водяную гладь бомбочкой, обдает брызгам расплавленный берег.

ЖЕНЩИНА. Ваня, Ивасик. Пошли, домой. Обедать пора.

Иван Сергеевич открывает глаза. Малыш протягивает ему свою отполированную пуговицу, которой он только что запускал солнечных зайчиков.

МАЛЬЧИК. На! Если посмотришь в неё, то вокруг всё станет очень смешным. Попробуй.

ЖЕНЩИНА. Сынок, не приставай к дяде. Вам плохо? Вызвать врача?

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Спасибо, мне теперь гораздо лучше.

Малыш берёт маму за руку, и они вместе поднимаются домой. Резиновые сапоги так и норовят слететь с ловца солнечных зайчиков. В ладони Ивана Сергеевича остаётся щедрый подарок – металлическая пуговица. Чёрный человек, прятаясь всё это время в самом тёмном углу лестничной площадки, куда никогда не попадает солнечный свет, напоминает о себе, отправив малюсенькую жигалку, которая уселась на сжатый кулак Ивана Сергеевича. Голос в его голове походит на отзвук эха.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Я устал ждать, пока ты наиграешься.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Обещаю, больше не придётся.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Я рад, что ты всё осознал. Пошли. Мы потеряли много времени.

Чёрный человек выпрыгнул в окно.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Иван Сергеевич спускается во двор. На этот раз он совсем не показался ему мрачным и унылым. Сверху струится мягкий свет, воздух прозрачен и чист.

Иван Сергеевич делает глубокий вдох и поднимает из лужи зелёно-оранжевый лист клёна. Его края кое-где засохли и свернулись в трубочку, но жёлтые прожилки ветвятся, создавая причудливый рисунок. Чёрный человек поджидает его у выхода.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Ты разочаровал меня.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Мысли – всего лишь мысли. Они изменчивы.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. В этом мире ничего так быстро не меняется.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Нужно только думать иначе.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Опасную игру ты затеял. Я ужасно зол.

Чёрный человек расправляет руки точно крылья. Он взмахнул ими ввысь и со всех сторон к нему устремляются разъяренные жигалки. С каждой минутой их становится всё больше и больше. Их гул и жужжание заглушают и грохот трамваев, и рёв машин.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Окружите его. Зудите без конца. Влетайте ему в ухо, в нос, в рот.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. После дождя будет радуга.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Вторгайтесь в самое сознание. Доводите его до ужаса и страха.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Сегодня меня ждёт самый лучший день.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Сделайте его жизнь невыносимой.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Отныне каждый день – мой день.

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Уничтожьте его.

Несколько человек, проходивших мимо, украдкой оглядывают Ивана Сергеевича с ног до головы и смущенно улыбаются. Он опять заправил брюки в носки разного цвета. Иван Сергеевич улыбается прохожим в ответ.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Здравствуйте и хорошего дня.

ПРОХОЖИЙ. Благодарю и вам отличнейшего настроения.

ДЕВУШКА. Какие у вас носки забавные. А мои со смайликами. Вот, смотрите.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ. Кажется, они мне улыбаются.

Ярость, наполняющая жигалок, раздувает их до невероятных размеров. Их маленькие тельца не выдерживают и с ужасным треском лопаются, как воздушные шарики. Чёрные ошметки разлетаются в разные стороны. Они падают на крыши домов, запутываются в кронах деревьев, падают под ноги спешащим прохожим, которые безжалостно давят их и разносят по городу на своих подошвах. Чёрный человек рассыпается, оставив после себя горстку

угольной пыли. Её тут же подбирает ветер и уносит куда-то вдаль. Иван Сергеевич обтирает обувь об траву, засовывает руки в карман, поднимает воротник и обходя чёрную, вязкую грязь, идёт по лужам.

Конец.